

А. В. Осипов

**Взаимодействие государства, бизнеса и профсоюзов
как условие социальной сплоченности**

В системе социального партнерства (социальной сплоченности) достигим взаимоприемлемый баланс интересов работника, работодателя, государства при урегулировании социально-экономических и трудовых отношений. Достижение социального мира и стабильности – основная цель взаимодействия данных структур.

Ключевые слова: социальная сплоченность, социальное партнерство, организации функционального представительства, государство, бизнес, профсоюз, политическая стратегия государства.

A. V. Osipov

Interaction of a State, Business and Trade Unions as a Condition of Social Cohesion

In the system of social partnership (social cohesion) there could be a mutually acceptable balance between the interests of the employee, the employer, the state in condition of regulating socio-economic and labour relations. Achievement of social peace and stability is the main purpose of the interaction of these structures.

Keywords: social cohesion, social partnership, organization of functional representation, a state, business, a labour union, a political strategy of the state.

Корпоративные социальные механизмы строились в России как переходная ступень от авторитарной власти к демократической, основанная на монополизации контроля над средствами массовой информации с целью возрождения посредством манипуляционных стратегий мобилизационных форм политического участия. Бюрократическая и чиновничья элита, в условиях утраты авторитарных механизмов управления и отсутствия развитой системы демократических институтов, стала опираться на СМИ как ключевой медиаторный институт, манипулятивное воздействие которого на население способно обеспечить контроль над общественными процессами и установить «электоральную диктатуру».

Политический режим в России, как справедливо отметил М. Макфол, существенно отличается от либеральной демократии тем, что плюралистические институты, служащие согласованию интересов, слабы, группы интересов, располагающие массовой поддержкой, маргинальны, а институтов, которые способны помочь преодолеть это неравновесие, таких как сильный парламент, эффективная партийная система и независимое судебное производство, все еще нет [5].

Еще на первом этапе трансформации корпоративных институциональных структур (1995–1997 гг.) в России сложилась корпоративная система социально-политического взаимодействия

со слабыми политическими институтами и доминированием привилегированных административно-экономических групп в процессах выработки и принятия политических решений. Об опасности формирования подобных систем предупреждал еще А. Пшеворский, указывая, что на основе «пакта элит» (который в российских условиях носил скорее скрытый, негласный характер) возможно появление «своеобразных «картелей» существующих должностей против соперников», которые «ограничивают конкуренцию, преграждают соперникам путь к успеху и распределяют выгоды, связанные с политической властью, только среди своих», в результате чего «демократия с легкостью превращается в частное предприятие лидеров нескольких политических партий и корпоративных союзов, в олигополию, сговор с целью исключения посторонних» [4, с. 134].

Трансформация политической системы, в основе которой лежит корпоративная система ограниченного плюрализма с мощнейшим влиянием привилегированных олигархических и бюрократических групп интересов на процессы выработки и принятия политических решений, к нормальной демократической модели правления может осуществляться по двум направлениям: первое парадигмальное направление предполагает укрепление государственного механизма и от-

странение привилегированных групп интересов от приоритетного доступа к центрам политической власти; второе включает стимулирование развития таких институтов гражданского общества, как политические партии, общественно-политические объединения, массовые группы давления и т. д., влияние которых противопоставляется доминированию привилегированных групп интересов в системе социально-политического взаимодействия. То есть речь идет о дальнейшем понижении порога объединения через поощрительные нормы формирования и функционирования организаций представительства групповых интересов. Вариант преобразований существующей корпоративной демократии, выбранный В. В. Путиным в бытность его президентом в 2000–2008 гг., предполагал не столько укрепление демократических государственных институтов и развитие институтов гражданского общества, сколько усиление «вертикализации власти».

Так, в рамках централизации федеральной власти произошел существенный пересмотр правил доступа групп интересов к процессам выработки и реализации политических решений. Здесь можно было наблюдать три основные тенденции.

Первая тенденция связана с утверждением новой модели политико-административного правления, а именно единой властно-управленческой вертикали во главе с президентом страны, в центре которой находился уже не столько «управляемый конфликт» различных частей государственного аппарата, сколько система иерархического подчинения основных политико-административных институтов президентской власти, с существенным ограничением возможностей функционирования и влияния региональных групп интересов.

Вторая тенденция связана с сокращением возможности политического влияния групп интересов крупного российского бизнеса, а также с фактической инкорпорацией данных групп на основе корпоративистских механизмов в действующую политико-административную вертикаль власти.

И наконец, *третья тенденция* связана с попытками включения во властно-управленческую вертикаль массовых групп интересов. Данная тенденция выразилась в создании целого ряда институтов социально-политического взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата, профсоюзы и проч.), цель которых состоит в

инкорпорации наиболее влиятельных общественных организаций для их использования в качестве посредников (агентов) государства в диалоге с обществом.

Для обеспечения реального участия граждан в управлении и по вертикали, и по горизонтали необходима система социального партнерства как цивилизованного механизма сохранения гражданского мира и согласия в обществе за счет достижения взаимоприемлемого баланса интересов работника, работодателя, государства при урегулировании социально-экономических и трудовых отношений. Особая роль в этом принадлежит профсоюзам. Социальное партнерство – один из способов представления интересов каких-либо социальных групп в обществе. Такая система взаимоотношений может строиться эффективно лишь при наличии третьего активного субъекта социального партнерства – государства, более того, социальное партнерство выступает как один из принципов современного государства.

Благодаря растущему вмешательству государства в экономику, другие сферы общественной жизни стала развиваться структура прямых функциональных связей, не опосредованных электоральными процессами между группами интересов и органами власти.

Наиболее активными здесь оказались те же организации бизнеса и профсоюзы, причем фактор бизнеса был на порядок значительнее профсоюзов. В то же время сохраняется сфера, где интересы бизнеса и профсоюзов находились в равных позициях: это сфера трудовых и распределительных отношений. Это были равные, хотя часто и прямо противоположные интересы, где государство пытается играть роль либо арбитра, либо посредника.

Такая система на протяжении нескольких десятилетий является органической частью структуры политического управления стран Запада и играет исключительно важную роль в механизме взаимодействия между гражданским обществом и государством. Без такой системы представительства и взаимодействия эффективное функционирование политической системы осуществляться не может.

В общей массе организаций функционального представительства выделяются так называемые трипартистские органы, которые выражены тремя сторонами – государством, бизнесом и профсоюзами.

Достижение социального мира и стабильности – основная цель взаимодействия данных

структур. В западном политологическом словаре появился термин «государство благосостояния» (от англ. The Welfare State), обозначающий совокупность социальных институтов в западных странах, призванных обеспечить всех членов общества социальными правами путем перераспределения доходов. В «Пингвин-словаре» государство благосостояния определяется как «государство, которое берет на себя ответственность за социальное обеспечение и благосостояние своих граждан». В «Кратком оксфордском словаре» – как «страна, которая стремится обеспечить благосостояние всем гражданам посредством социальных служб, управляемых правительством» [3, с. 53–54]. Сегодняшним аналогом этому понятию является социальное государство.

Достижения консенсуса между основными социальными партнерами в ряде стран европейского континента (и не только европейского) по существу превратились в механизм, технологии, определяющие параметры социально-экономической и политической стратегии государства. Подтверждением этому может послужить назначение Специальной рабочей группы высокого уровня для пересмотра стратегии Совета Европы в области социальной сплоченности в XXI в. с учетом достижений Европейского Союза в этой сфере. Специальная рабочая группа провела исследование актуальности понятия социальной сплоченности для современной Европы и подходов Совета Европы в этой сфере, создавая при этом базу для пересмотра представлений о социальной сплоченности [1].

Как считают его составители, «социальная сплоченность представляется по своей сути многоплановым явлением, которое подразумевает не только включенность и участие всех в экономической, социальной, культурной и политической жизни, но и чувство солидарности и принадлежности к обществу, основанное на эффективном использовании гражданских прав и демократии» [1].

Отличительная черта подхода Совета Европы – это его отношение к доступности прав для всех как к неременному условию для формирования сплоченного общества.

«Европейская социальная хартия» представляет собой основополагающий консенсус по вопросу о подходах Совета Европы к социальной сплоченности. В Хартии содержится 19 основных статей, первые 10 из которых касаются в основном занятости, рынка труда и вопросов производственных отношений. Остальные относятся

к проблемам образования, жилья, социального обеспечения и здравоохранения. Выполнение обязательств, принятых при подписании Хартии, оценивается с помощью международного надзорного механизма на основе отчетов, которые ежегодно предоставляются ратифицировавшими документ государствами. (Начиная с 2006 г., когда в процедуру отчетности были внесены изменения, государства ежегодно предоставляют отчет по одной из четырех групп положений так, чтобы по каждому набору положений отчетность предоставлялась раз в четыре года).

Рассмотренные выше формы демократии участия преимущественно охватывают сферу социальной включенности, где отдается приоритет включенности в рынок труда. Социальная же сплоченность предполагает более широкий круг социальных отношений, связей и противовесов в качестве основы для формирования оптимального общества и демократии.

В развитых странах наблюдается, таким образом, серьезный сдвиг или отход от модели социальной политики, ориентированной на перераспределение, по которой рынок труда серьезно регулировался, а налогообложение и социальные льготы обеспечивали компенсации менее обеспеченным слоям населения.

Этот отход был связан с объективными процессами, которые наблюдались в жизни развитых стран. Рост числа профсоюзов прекратился. Более того, в ряде стран, например в Англии, Голландии, Франции и США, число членов профсоюзов сократилось абсолютно и относительно. В долговременной перспективе более важными оказались не столько количественные, сколько качественные изменения, которые проявились в структуре и деятельности профсоюзов. Среди их членов увеличивается численность и вес «белых воротничков» и женщин, растет число профсоюзов государственного сектора. Заявила о себе тенденция превращения профсоюзов в «группы давления», защищающие, прежде всего, интересы работников государственного сектора и сферы услуг и т. д.

В меньшей степени стало проявляться государственное вмешательство в виде различных форм политического регулирования. Вмешательство в «нормальные» рыночные механизмы имело своей целью перераспределение ресурсов в пользу одних групп за счет других, опираясь на принудительную силу государства. Интервенционистская социальная политика государства постепенно зашла в тупик. По данному вопросу

установился почти всеобщий консенсус, который охватил весь политический спектр от левых до правых.

Трипартистская система, основанная на институциональных консультациях и представительстве интересов бизнеса, профсоюзов и государства, нацеленная на достижение согласия между основными социальными партнерами, была предметом рассмотрения отечественных и западных исследователей [2, с. 115–124; 6, с. 194–215].

Несмотря на значительное снижение влияния профсоюзов в кооперативном взаимодействии с бизнесом и государством в практике развитых стран, трипартизм получил свое развитие в системе общественных отношений в постсоветской России.

Институционализация отношений социального партнерства в России в некоторой степени воспроизвела накопленный мировой практикой опыт. Появление института социального партнерства на федеральном уровне было связано с законотворчеством, предпринятым Президентом РФ через систему указов, и носило по существу директивный характер.

Отметим, что в переживающих переходный период странах Центральной Европы достижение трипартистских договоренностей было результатом соглашения сторон о создании соответствующих органов с целью поддержания социального мира в обществе. Эти соглашения были направлены на укрепление социальной базы реформ на основе примирения сторон участников трудовых отношений в рамках структурной перестройки экономических механизмов. Эффективного результата предполагалось достичь путем институционализации переговорного процесса и предоставления участникам каналов разрешения споров, альтернативных открытому конфликту.

Итак, в рамках посреднического представительства интересов важное теоретическое и

практическое значение придается структуре прямых функциональных связей, не опосредованных электоральными процессами, между группами интересов и органами власти. Активной формой функционального представительства является система социального партнерства.

Реальное участие граждан в управлении и по вертикали, и по горизонтали может быть обеспечено цивилизованным механизмом сохранения гражданского мира и согласия в обществе за счет системы социального партнерства. Российская система взаимодействия государства, бизнеса и общества нуждается в новом современном механизме трехстороннего партнерства и новых технологиях социального партнерства, определяющих параметры социально-экономической и политической стратегии государства в XXI столетии.

Библиографический список

1. На пути к активной, справедливой и социально сплоченной Европе. Доклад специальной рабочей группы высокого уровня по вопросам социальной сплоченности в XXI веке. – Страсбург, 26 октября 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www.coe.int/t/dg3/socialpolicies/source/TSCF\(2007\)31R.doc](http://www.coe.int/t/dg3/socialpolicies/source/TSCF(2007)31R.doc)
2. Перегудов, С. П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России [Текст] / С. П. Перегудов // Полис. – 1993. – № 4.
3. Политология : краткий словарь / под ред. д. ф. н., проф. В. Н. Коновалова. – Ростов-н/Д, 2001.
4. Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке [Текст] / А. Пшеворский. – М., 1999.
5. McFaul M. The Perils of a Protracted Transition // Journal of Democracy. 1999. April. Vol. 10. N 1.
6. Jacobs B.D. Fractured Cities. Capitalism, community and empowerment in Britain and America. – London, New York: Routledge, 1992.